

Человеку подвластно

НОВОЕ В МЕДИЦИНЕ

Высшая красота на земле — красота человеческого тела — воспета поэтами, художниками, философами, испокон почиталась и медиками.

Не случайно наш земляк, известный хирург доцент Ставропольского медицинского института Михаил Сергеевич Макаров взял эпиграфом к своей докторской диссертации об исправлении горбов слова Гёте: «Хирургия есть божественное искусство, предмет которого — прекрасный и священный человеческий образ. Она должна заботиться о том, чтобы чудная соразмерность его форм, где-либо нарушенная или расстроенная, снова была восстановлена».

Однако даже самым дерзким умам показалось бы в то время иллюзией возможность сделать горбатого стройным, жизнерадостным. Еще задолго до нашей эры отец медицины Гиппократ, пытавшийся «утаптывать» горбы, признал свое бессилие: «Я не бог, а только человек!»

Туберкулез позвоночника — спондилит — долгие века оставался неприступной крепостью. Нелеченый спондилит приводил к разрушению позвонков — образовывалось углообразное искривление (кифоз). Но, не умея удалить причину заболевания, врачи древности занимались печением горбатости. Какими же способами! Одни привязывали больного вниз головой к лестнице, и вместе с нею бросали его спиной об пол, рассчитывая выпрямить позвоночник; другие, положив больного на живот, устраивали над местом искривления подушку и раздували ее кузнечными мехами, делая одновременно вытяжение. От подобных способов «исправления», гласит предание, «больной становился ровным, как тростинка, и неподвижным, как камень».

Так и костенела в тысячелетиях

поговорка: горбатого могила исправит...

Успехи советской хирургии в операциях на позвоночнике, применение в борьбе с туберкулезом новых лекарственных препаратов сделали возможным радикальное лечение этого тяжелого заболевания.

...И тогда доцент Ставропольского медицинского института Михаил Сергеевич Макаров радовался, демонстрируя студентам вылеченных больных. Операция за операцией, успех становился закономерностью, но Макаров не успокаивался, — росло чувство неудовлетворенности: излечение туберкулезного спондилита стало реальностью, но ведь не все еще сделано, еще не вся крепость взята — позвоночник-то оставался искривленным!

...Девушка умоляла об операции, и горб ее сотрясался от рыданий. Макаров молчал. Чем он мог успокоить ее! Как и тысячу лет назад, не поколебалось в науке убеждение: застарелая горбатость не поддается лечению. Это мучило врача смолоду.

Но теперь, когда успешно решается борьба с шоком, кровопотерей, когда в руках хирурга могучие антибиотики, — почему и теперь продолжают жить старые истины! Не пора ли пересмотреть отношение к проблеме исправления горбатости!

И Макаров решил — пора! Надо думать, делать, искать!

Прошли годы раздумий, напряженной работы, поисков. И вот в 1962 году, вооруженный полученными результатами многочисленных экспериментов на животных, Макаров выходит на новый хирургический рубеж. Хирург задумал комплексное лечение кифозов при туберкулезных спондилитах большой давности.

Но как много еще не изведано, как

избежать ошибок! Все ли предусмотрено! Какие могут еще встретиться на пути неожиданности!

С предельным напряжением сил и воли проходила первая операция. Но с того жаркого июньского дня началось наступление на горбатость.

Операциями удалялись у больных пораженные позвонки. Между здоровыми образовывался «просвет». Просвет должен постепенно уменьшаться по мере выпрямления позвоночника — для этого есть специальное приспособление — петля-пояс. Затем лечебная гимнастика, направленная на разгибание позвоночника. А через несколько недель на дужки здоровых позвонков хирургом будут положены костные пластинки — «стропила». Они прирастут, и возникнет прочное срастание.

Распрямление позвоночника — не только хорошая фигура, займут нормальное положение сердце, легкие, печень; оздоровится организм от туберкулеза.

Но как во всем новом, неизведанном — познал хирург и горечь неудач.

Снова упорная работа. Снова поиск, совершенствование методики операции.

...Лечебная, тренировочная гимнастика...

Если б кто-то, знавший ту девушку прежде, вдруг увидел, как она делает «рыбку», красиво прогибается в «мостике», — тот не поверил бы своим глазам. Девушка стройна и после операции стала даже выше ростом.

Многие из тех, кто страдал тяжелым недугом, работают ныне в школах, больницах, заводах, занимаются в институтах, техникумах...

— Это не только моя заслуга, — говорит Михаил Сергеевич, — исход лечения наших пациентов во многом зависит и от тех, кто выхаживает больных. Врачи, сестры, нянечки — все мы живем общими тревогами, общими радостями.

Со всех концов страны: с Камчатки и Урала, Прибалтики и Казахстана, с Поволжья и Крыма идут письма к ученому, награжденному орденом Ленина за выдающиеся успехи в развитии советской медицины.

«Быть, как все...» Лейтмотив сотен писем. Быть, как все, чтоб наравне с други-

ми больше приносить пользы обществу; познать всю полноту жизни...

Письма с пометкой «отвечено» — в папках, связках хранятся в кабинете ученого. За каждым письмом — страдающий человек, в большинстве это совсем молодые люди. Письма с точным и приблизительным адресом, а одно просто с краткой надписью: «Главному по горбам». А вот розовый конверт: «Ставрополь. Хирургу Макарову М. С.» и на обороте конверта: «Дорогая почта! Начальник почты! Письмоносцы! Разыщите, пожалуйста, этого доктора...»

Советскому человеку свойственно дарить радость другу, товарищу по работе, тому, кто рядом. Эта мысль звучит во многих письмах тех, которые, даже без ведома больного, хотят ему помочь, видеть здоровым. Вот письмо преподавателей одного сибирского техникума о студентке, у которой горб. Они спрашивают, возможно ли вылечить? Пишет солдат-пограничник, заботясь о девушке, своей землячке. Люди спрашивают, доверительно советуются, как и чем помочь в несчастье товарищу. Просит совета москвич, рассказывая о своем югославском друге...

Пишут Макарову из Польши, Румынии, Болгарии, ГДР, Индии, Италии...

«Уважаемый господин доцент! — читаем в одном из писем с Запада. — После прочтения в печати о Ваших достижениях в устранении горбов, я решил обратиться к Вам с нижайшей просьбой. Какова бы была цена такой операции!...»

Человеку из чуждого нам мира не понять бескорыстия советского врача.

Идут письма от бывших горбатых. Вот несколько строк из одного такого письма: «Своим искусством врача Вы помогли вновь обрести радость жизни. Вы сделали меня полноценным человеком. Жизнь теперь не закрывает солнце мрачными красками. Понимаете, кто Вы! Вы человек, дарящий счастье».

Ясный ноябрьский день. За окнами центрального института травматологии и ортопедии — заснеженная Москва. А в конференц-зале удивительно теплая атмосфера. В тишине мягко звучит негромкий голос диссертанта Макарова.

— При сегодняшнем уровне

хирургии нетерпима горбатость, тем более в нашем обществе, которое поставило задачей сделать жизнь человека гармоничной, красивой. Для того есть у нас как социальные, так и научные предпосылки...

Защищена докторская диссертация.

И снова повседневная, полная напряженности работа. День Михаила Сергеевича начинается в клинике с обхода больных, с операций, с занятий со студентами; им, будущим врачам, Михаил Сергеевич отдает много знаний и сил. Он учит их горячо любить людей и труд врача

— эту самую прекрасную должность на земле.

Проблема борьбы с горбатостью в Ставропольском медицинском институте находит все более многогранную и детальную разработку. В нее включаются ученики Михаила Сергеевича, молодые коллеги. В поле зрения коллектива клиники — изучение функции внутренних органов у оперированных, изменение пропорции тела, состояние нервной системы.

Со всем этим открывается еще одна новая страница в истории советской медицины.

